

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В. В. Чуксина¹, О. В. Бондаренко²

¹ *Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

² *Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского, пос. Молодежный, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
29 марта 2017 г.

Дата принятия к печати
12 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения
31 мая 2017 г.

Ключевые слова

Права человека; демократия;
верховенство права;
турбулентность;
пост-глобализация;
мировой правопорядок

Аннотация

Права человека, являясь нормативной формой взаимодействия между субъектами, в снятом виде отражают многоаспектность общественных и международных отношений. В статье анализируются основные факторы и технологии политико-правовой турбулентности и их влияние на систему прав человека. В политико-правовом смысле турбулентность рассматривается как динамика трансформации политического и правового порядка на национальном и (или) международном уровнях, обусловленная амбивалентностью права и политической целесообразностью, правотворчеством и правоприменением, проблематизацией базовых концептов современного государства. В работе дается правовая оценка технологиям государственно-властного и мотивационно-опосредованного (концептуального) внешнего управления турбулентной «демократизацией», актуализирующим проблемы содержания понятия «права человека» и легитимности экстерриториальной борьбы за права человека. Обосновывается, что наряду с реальными проблемами реализации прав и свобод человека, в условиях формирования пост-западного мира они становятся эпицентром политико-правовой турбулентности.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND LEGAL TURBULENCE

Valentina V. Chuksina¹, Olga V. Bondarenko²

¹ *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*

² *A. A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University, pos. Molodejnyi, Russian Federation*

Article info

Received
March 29, 2017

Accepted
April 12, 2017

Available online
May 31, 2017

Keywords

Human rights; democracy;
rule of law; turbulence;
post-globalization;
global law and order

Abstract

Human rights, being a normative form of interaction between subjects, in a sublated form reflect the multidimensionality of social and international relations. The article analyzes the main factors and technologies of political and legal turbulence and their impact on the human rights system. In the political and legal sense, the turbulence is seen as the dynamics of the transformation of the political and legal order (at the national and / or international levels), caused by the ambivalence of law and political expediency, lawmaking and law enforcement, problematization of the basic concepts of the modern state. A legal assessment is given to the technologies of state-power and motivational-mediated (conceptual) external management of turbulent «democratization» which actualizes the problems of the content of the concept of «human rights» and the legitimacy of the extraterritorial struggle for human rights. It is justified that along with the real problems of the realization of human rights, in the conditions of the formation of the post-Western world, human rights and freedoms become the epicenter of political-legal turbulence.

Демократия, верховенство права, права человека — ключевые понятия концептуальной модели современного государства. Несмотря на имеющиеся различия в практике демократического развития государств, права человека позиционируются в качестве глобальной фундаментальной ценности, идеологического мейнстрима национального (в конституционно-гражданском смысле) и международного права. На этом фоне пессимистически-предупреждающе звучат слова Верховного комиссара ООН по правам человека Зейда Раада аль Хусейна: «2016 год стал бедственным для прав человека во всем мире и, если растущее ослабление тщательно сконструированной системы прав человека и верховенства права продолжит набирать обороты, в конечном итоге, пострадают все»¹.

С этим нельзя не согласиться, так как права человека, являясь нормативной формой взаимодействия между субъектами, в снятом виде отражают многоаспектность (многофункциональность) общественных отношений, осуществляемых в рамках правового поля или вне его, приводящих, соответственно, к интеграции и согласию, к дифференциации и конфликтам в обществах и между обществами, существующими в пространстве национальных государств. Поэтому закономерно, что для большинства государств укрепление системы прав человека относится к важнейшим стратегическим задачам. Так, в частности, в Указе Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее — Указ № 683) говорится, что «удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов» является одним из основных показателей состояния национальной безопасности России.

Сегодня практически все государства законодательно закрепили свою обязанность признавать, соблюдать и защищать основные права и основополагающие свободы человека, необходимым условием выполнения которой является государственный суверенитет. Следовательно, «принятие новых или изменение уже существующих нормативно-правовых актов должно носить системный характер» [1, с. 53] и способствовать выполнению этой триединой государственной обязанности. Однако очевидно, что «идеальное

государство» существовало только в философских воззрениях Платона.

Как показывает практика, устойчивое развитие внутригосударственной системы прав человека, согласованное с международным правом по правам человека, во многом зависит от баланса между конституционностью и правоприменительным «усмотрением» реализации демократических принципов и верховенства права, от расстановки приоритетов между легитимностью политических решений и политических (геополитических) интересов субъектов публичной власти. Наряду с тем, что права человека являются актуальной проблемой для всех без исключения государств, в современных условиях нарастает тенденция проблематизации прав и свобод человека. В отличие от проблемы, проблематизация выступает как специфический феномен политической рефлексии, как «совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного» [2, с. 312]. Сегодня некоторые влиятельные акторы мировой политики, руководствуясь конъюнктурным выбором между правом и политикой, в пользу последней превращают права и свободы человека в инструмент политической игры. В результате права и свободы человека и гражданина становятся эпицентром политико-правовой турбулентности XXI в. и, как тут не вспомнить знаменитое высказывание Т. Гоббса: «если бы аксиомы геометрии затрагивали интересы людей, они бы оспаривались» [3, с. 79].

Если изначально понятие «турбулентность» применялось в гидродинамике для обозначения степени хаотичности движения молекул, то в настоящее время оно широко используется в науке, политике, средствах массовой информации и т. д. Применительно к обществу турбулентность зачастую отождествляют с такими негативными явлениями, как кризис, катастрофа, хаос и другое, подчеркивая нестабильность, неопределенность, утрату контроля над управляемостью отдельными или системными изменениями. В геополитическом масштабе турбулентность обозначает наступление совершенно нового мира с новыми законами и правилами игры [4, р. 86–88].

Парадоксально, что одними участниками процесса политико-правовой турбулентности она воспринимается как случайность, другими (инициаторами) — как закономерность; тем не менее, результат одинаков для всех — дестабилизация существующего политико-правового порядка, примат

¹ URL: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?>

политики над правом, бифуркационность траекторий дальнейшего развития. Причем, в соответствии с законами самоорганизации сложных систем, точкой бифуркации, ведущей к турбулентности или к формированию нового политико-правового порядка, может стать решение, принятое на внутригосударственном уровне. Наглядным примером этого служит референдум «Brexit» и начало процедуры выхода Великобритании из состава Европейского Союза. В других странах также нарастает недовольство европейским федерализмом, ограничением политической и правовой самостоятельности. По опросам британского исследовательского центра «Bruges group» (февраль 2017 г.) 80 % европейцев считают, что «Brexit» будет стимулировать другие страны требовать своей независимости от Евросоюза². Более того, в Шотландии уже поднят вопрос проведения референдума о независимости от Великобритании. В перспективе это может стать началом альтернативных вариантов архитектуры европейского и мирового правопорядка: «новой Европы без Евросоюза», «Европы разных скоростей» (с разным уровнем интеграции и развития государств), создания мини Союзов (стран Скандинавии и др.).

На внутригосударственном уровне последствия политико-правовых изменений носят вероятностно прогнозируемый характер, но, как правило, всегда прямо или косвенно оказывают влияние на положение прав человека. Поэтому взаимосвязь критериев правового государства, демократии и прав человека состоит в том, что права приобретают реальное значение только тогда, «когда политический режим не превышает социально оправданный порог потребности во власти, существующий в данном обществе» [5, с. 155–156]. К слову можно вспомнить, например, знаменитый американский «Патриотический акт» 2001 г., наделявший американские спецслужбы и полицию неограниченными полномочиями в целях борьбы с терроризмом, а фактически, нарушающий четвертую поправку к Конституции США и узаконивший тотальную слежку, массовые нарушения прав и свобод (включая пытки заключенных в тайных тюрьмах Центрального разведывательного управления), тайное вмешательство в личную жизнь граждан и служебную деятельность представителей иностранных государств. Юридические ограничения

² The future of the EU. URL: <http://www.bruges-group.com/>.

правил работы силовых ведомств были зафиксированы в «Акте о свободе» в 2015 г., но это не мешает им быть в курсе разговоров президентов, премьер министров и канцлеров, прослушивать коммуникации российского посла в США и «бояться» появления «Эдварда Сноудена-2». Подобная правоприменительная практика спецслужб, порождающая конфликты в сфере упорядочения власти государства по отношению к правам и свободам человека, характерна не только для США и Великобритании³, но и для других государств, позиционирующих себя консолидированными демократиями с приоритетом прав человека.

Безусловно, никто не отрицает определяющую значимость экономических факторов для реализации прав и свобод человека. В странах с низким уровнем человеческого развития подавляющая часть населения по международным масштабам живет за чертой бедности. Если не брать в расчет существующую в большинстве беднейших стран мира политическую нестабильность, фактически не работающие официальные законы, коррупцию, то и в этом случае можно говорить не о существенных нарушениях конституционных прав человека, а практически об отсутствии условий для их осуществления.

Вместе с тем понятно, что при наличии соответствующих условий единичные правомерные действия отдельных субъектов автоматически не влекут массовых нарушений прав человека. Однако они могут становиться катализатором социальной турбулентности. Например, во Франции систематически повторяются акции протеста, сопровождающиеся насилием и погромами, против полицейского произвола в отношении лиц с неевропейской внешностью (при проверке документов и вида на жительство). Жалобы на дискриминацию при проведении проверки личности стали предметом разбирательства в Конституционном Совете Франции. С точки зрения приоритетных вопросов конституционности («свобода» и «равенство перед законом» в соответствии со ст. 61-1 Конституции Франции), Конституционный Совет Франции признал конституционность положений ст. 78-2 и 78-2-2 Уголовно-процессуального кодекса и ст. L. 611-1 и L. 611-1-1 Закона «О въезде и пребывании иностранных граждан во Франции и праве на убежище», регулирующих провер-

³ Police Access to Communications Data. URL: <https://www.bigbrotherwatch.org.uk/wp-content/uploads/2015/05/Big-Brother-Watch-Report-Police-Communications-Data1.pdf>.

ки личности. Вместе с тем Конституционный Совет признал «неправильной» полицейскую практику безосновательных массовых проверок, по сути приводящую к расовому профилированию⁴. Не только в данном случае, но и в целом, факты свидетельствуют, что нарушения прав человека во всех странах, независимо от уровня их демократического развития, преимущественно связаны с правоприменительной деятельностью, «поскольку установление нормы права не всегда означает ее реализацию со стороны органов публичной власти» [6, с. 29]. Поэтому государство в первую очередь ответственно за решение данной проблемы и отсутствие или слабость механизма контроля существующего дисбаланса между правоприменительным (поведенческим), ценностным и конституционно-правовым аспектами прав человека, систематически порождающего зоны локальной или общенациональной политико-правовой турбулентности.

Проблематика прав человека прямо или косвенно детерминирует не только национальную, но и международную безопасность, которая, как известно, гораздо шире вопросов военно-политической стабильности. Если в XX в. турбулентность миропорядка была связана с «холодной войной», затем с распадом СССР и сломом блоковой системы государств, то в XXI в. возникновение политико-правовой турбулентности обусловлено двумя главными факторами: глобализацией и постглобализацией. В результате глобализации, основанной на либеральной модели развития (транснациональной экономики, транснациональной демократии, унификации англосаксонских ценностных установок, всеобъемлющего управления под эгидой США), интерпретируемой в качестве объективного закона истории, на практике получился непредсказуемый результат — «глобальные опасности создают глобальное общество» [7, с. 102–105]. Как отмечено в Указе № 683 в дополнение к естественным (с учетом антропогенного влияния) глобальным проблемам процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом всемирной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития и углублением разрыва между уровнями бла-

госостояния стран, с борьбой за ресурсы и доступом к рынкам сбыта, с контролем над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы.

Взаимодействие или противоборство тенденций с интеграцией и дифференциацией экономических, политических, социальных процессов на фоне борьбы за сохранение национальной идентичности свидетельствуют о становлении нового тренда мирового развития, называемого в научной литературе постглобализацией. «Пост» в данном контексте обозначает не диахроническую последовательность, а неопределенность путей развития, «ландшафт, уже не определяемый горизонтом универсальности или универсализации» [8, с. 56]. Необходимо отметить, что приставка «пост» (постиндустриальный, постсоветский, и т. д.) становится символом-характеристикой турбулентных трансформаций.

Противоречия между глобализационными и постглобализационными процессами привели к идеологическому краху проекта глобализации как всеобщей вестернизации. Тем не менее, продолжающиеся настойчивые попытки Запада сохранить доминирующие позиции в управлении мировым юридическим порядком, выдать свои экономические, политические и другие интересы и ценности за универсальные, ускорили турбулентные изменения мировой системы, а также актуализировали проблемы объема и содержания понятия «права человека», легитимности и правовых форм борьбы за них.

В вопросе прав человека бесспорным подтверждением глобального согласия государств явилось принятие Всеобщей декларации прав человека и других важных международных пактов в этой области. В теоретико-правовом смысле международные документы по правам человека, закрепляя гуманистический принцип равенства прав каждого, акцентируют индивидуалистически-центрированный, «ненационально-центрированный» их характер. Тем самым, формально-юридически права человека остаются вне сферы корреляции как с социокультурной идентичностью личности, так и с историческими особенностями развития государств.

Такая индифферентность международных стандартов прав человека к конкретно-исторической специфике общественного и

⁴ Décision № 2016-606/607 QPC du 24 janvier 2017. M. Ahmed M. et autre [Contrôles d'identité sur réquisitions du procureur de la République] // Journal officiel de la République française. 2017. № 0022 (du 26 janvier). Texte № 135.

государственного развития различных стран, с одной стороны, подчеркивает ценность самой идеи прав человека как нормативного мерилa человеческого достоинства и основы взаимоуважения между людьми; с другой стороны, в условиях нарастания постглобализационных процессов, трансформации однополярной международной модели в многополярную, права человека стали основой правовых разногласий по линии «универсальное» — «национально-культурное». В свою очередь, это порождает латентные возможности для «злоупотреблений» с их универсальностью, для их «творческой» политико-правовой интерпретации, а также вызывает необходимость поиска консенсуса между морально-правовым и межкультурным (а не транскультурным) аспектами проблемы прав человека.

Сравнение западного и не западного путей исторического развития обществ раскрывает истоки существования различий в приоритетах светско-рациональных и традиционных ценностей в современных странах [9, р. 257]. Приняв «стратегию демократического развития, квинтэссенцией которой являются права человека» [10, с. 40] и, несмотря на эмансипацию ценностей в не западных странах, сохраняющиеся различия в социокультурной идентичности накладывают отпечаток на их представления о правах человека. Например, новомодное стремление Запада протолкнуть философию прав представителей сексуальных и гендерных меньшинств (LGBT) в мире в целом и в Африке в частности, заставила его применять тактику сомнительной пропаганды. Запад использует принудительные уловки, чтобы запугать (прекращением финансовой помощи) и заставить африканские государства декриминализовать гомосексуальность [11, р. 55–56]. В борьбе за «правильное» понимание прав человека используются как прямые, так и закамуфлированные финансовые и политические «предупреждения». К примеру, Европейская Комиссия всегда подчеркивала, что попытки некоторых (постсоветских) стран принять законы против гомосексуализма не только криминализируют правозащитную деятельность, но и ставят под удар перспективы либерализации визового режима с Евросоюзом. Более того, уголовные наказания за гомосексуализм, применяемые в 76 странах (в 5 из них предусмотрена смертная казнь) [12, с. 22, 81], библейское признание гомосексуализма «содомским грехом», согласно западноевропейской трактовки прав человека рассматриваются

как преступления против человеческой сущности. Аргументом для критики также являются «неправильные» основания признания человеческого достоинства и равенства, выводимые из принадлежности к сообществу, характерные для конфуцианской культуры [13, р. 63].

В целом можно сказать, что, продолжая защищать мифы превосходства и западной культурной гегемонии, активность Запада в продвижении концепции прав человека скорее напоминает неоколониальную политику, а не гуманистический проект укрепления системы прав человека.

Как известно, право незаменимого лидерства в деле поддержки демократии и прав человека во всем мире отвели себе США. В «Стратегии национальной безопасности» (обновляемой при каждом президенте) в том или ином виде провозглашается, что американское лидерство — это глобальная сила добра, которая имеет обоснование в непреходящих национальных интересах. «Во взаимозависимом мире нет глобальных проблем, которые можно решить без участия США, но крайне мало тех, которые мы могли бы решить в одиночку» [14]. При этом слова «ведущий», «лидер», «руководство» в 30-страничном тексте этого документа употребляются 94 раза. Однако необходимо подчеркнуть наметившуюся смену акцентов американского участия в конструировании мирового порядка: от «лидерства как доминирования» при Дж. Буше к «лидерству из-за спины» (leading from behind), посредством мобилизации своих союзников при администрации Б. Обамы⁵. Официальной версии стратегии национальной безопасности, внешней политики при 45-м президенте США еще не принято, но заявка на «новую главу американского Величия» и обещание уважать суверенные права народов озвучены. В первой речи перед Конгрессом президент Д. Трамп подчеркнул, что внешняя политика США требует конструктивного взаимодействия с миром, американского лидерства, основанного на интересах жизненной безопасности, разделяемого с союзниками по всему земному шару, решительной поддержки Организации Североатлантического договора (НАТО) и выполнения партнерами финансовых обязательств⁶.

⁵ Chesterman S. «Leading from Behind»: The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention After Libya, 2011. URL: http://works.bepress.com/simon_chesterman/8/.

⁶ Full Text: Trump's First Address to Congress as Prepared for Delivery. URL: <https://www.bloomberg.com/politics/articles/2017-03-01/>.

Учитывая акцент на решение внутренних проблем, при Д. Трампе, видимо, приоритетным станет не ценностный, а прагматический аспект реализации национальных интересов и, соответственно, доктрины лидерства, а также рентабельность экстерриториальной борьбы (по-американски) за демократию и права человека. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что американское лидерство как доктринальное положение впервые становится еще и товарным знаком: «Сделаем Америку великой снова», зарегистрированным в Ведомстве по патентам и товарным знакам США (серийный номер 85783371, правообладатель — Д. Трамп)⁷.

Несмотря на модификации доктрины лидерства, США продолжают свое военное участие в «гуманитарных интервенциях», согласованное с НАТО, при этом Пентагон скрывает данные о воздушных ударах (около 1 тыс.), осуществленных в течение нескольких лет в Ираке, Сирии и Афганистане⁸. В итоге, причастность к военным действиям, зачастую без разрешения Конгресса США и за пределами мандата Организации объединенных наций (ООН), весьма показательна: Дж. Буш — Афганистан, Ирак, Пакистан и Сомали (итого 4); Б. Обама — Афганистан, Ирак, Пакистан, Сомали, Йемен, Ливия и Сирия (итого 7). Амбивалентность права и политики сохраняется и после вступления Д. Трампа в должность президента. Так, несмотря на то, что Йемен отозвал у США разрешение на проведение наземных спецопераций на своей территории, контртеррористическая кампания «за счет йеменских граждан и суверенитета страны» продолжается⁹, в Сирии политические мотивы американской коалиции препятствуют согласованию военных действий с законным правительством страны, что приводит к нарушению международного гуманитарного права и права на жизнь мирных граждан. Более того, называя Северную Корею «угрозой номер один», госсекретарь Р. Тиллерсон 17 марта 2017 г. в интервью телеканалу «Fox News» заявил, что США не только рассматривают вариант военного решения проблемы, но и не исключают возможность оснащения союзников ядерным оружием для противодействия

ракетно-ядерной программе Пхеньяна. Если готовность нарушить международный Договор о нераспространении ядерного оружия от 12 июня 1968 г. будет реализована на практике, то это станет началом глобально-го беспорядка мирового порядка.

В целом США систематически демонстрируют, что не право занимает центральное место в международном юридическом порядке, а американские интересы управления региональными и мировыми процессами являются ведущими в большой геополитической игре, в которой, по словам Постоянного представителя США при ООН Н. Хейли, «Соединенные Штаты являются совестью мира. Мы не будем уходить от этой роли»¹⁰. Понятно, что «роль» как раз и есть оговорка (по Фрейду), указывающая на подлинный смысл.

До сих пор борьба американской коалиции с угрозами «правам человека», а фактически нелегитимное военное вмешательство во внутренние дела суверенных государств Ближнего Востока и Африки, не устранила первопричины существующих там конфликтов. Более того, привело к увеличению нестабильности в регионах, гуманитарному кризису и к глобальным последствиям — транснациональному объединению исламских экстремистов в международное террористическое «государство» и неконтролируемой миграции, ставшими дестабилизирующими условиями для мирового правопорядка и новыми факторами нарушений прав человека.

В отличие от прямых государственно-властных инструментов турбулентной «демократизации» (с помощью военных операций, экономических санкций и т. д.), «более тонкие манипуляции» позволяют квазигитимным путем добиваться подчинения или смены тех государственных режимов, которые были признаны (т. е. включены в зону интересов США и партнеров) в качестве грубо попирающих права и свободы человека. Анализируя выбор таких государств, можно сказать, что он преимущественно обусловлен стремлением заблокировать появление системного оппонента и потенциальных региональных лидеров. Поэтому в «обязательной программе» предотвращения угроз лидерским позициям используются технологии преднамеренного создания турбулентности, целенаправленные на ослабление геополити-

⁷ URL: <https://trademarks.justia.com/857/83/make-america-great-85783371.html>.

⁸ Pentagon failed to disclose up to thousands of air strikes: report. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-military-strikes-idUSKBN15K0S9?il=0>.

⁹ Yemen Withdraws Permission for U.S. Antiterror Ground Missions. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/07/yemen-special-operations-r=1>.

¹⁰ Remarks at the Council on Foreign Relations. Share Ambassador Nikki Haley. U.S. Permanent Representative to the United Nations. U.S. Mission to the United Nations. New York City, March 29, 2017 : official website. URL: <https://usun.state.gov/remarks/7730>.

ческих конкурентов, при этом права человека становятся «факультативом». Например, разрушение ближневосточных государств, которые могли бы поддерживать политически самостоятельный и неподконтрольный американским властям Иран (в отношении которого в первый месяц президентства Д. Трампа приняты новые санкции); отвлекающие «маневры» (формирование образа России как противника демократии) и создание зон нестабильности (украинский майдан, подготовка протестного движения в Белоруссии) для предотвращения укрепления геополитического влияния России; латентное сдерживание развития российско-китайских отношений, потому что от «эффективности взаимоотношений России и Китая во многом зависит складывающаяся в настоящее время структура мирового порядка» [15, с. 159] и др. Иначе как объяснить дружбу Запада с такими «блюстителем» прав человека, как Саудовской Аравией, в которой массовые грубые нарушения прав человека систематически отмечает даже «Human Rights Watch» — неправительственная организация, осуществляющая мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека.

Под лозунгом борьбы за демократические ценности и права человека «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий»¹¹. Одним из наглядных результатов мотивационно-опосредованного воздействия «мягкой силы», а по сути — концептуального внешнего управления, являются государственные перевороты, имитирующие социально-политические революции, называемые «цветными» революциями. Идеологом и руководителем практического применения политтехнологий «ненасильственного сопротивления» и «цветных» революций является американский профессор Д. Шарп (Институт им. А. Эйнштейна, США), разработавший 198 методов ненасильственных действий, включая использование цветов и красок в качестве символов протеста и др. [16, р. 258]. Практика «цветных» революций показала, что «ненасильственное сопротивление на самом деле лишь служит

оправданием секретным действиям, недемократическим по своей сути. От Литвы до Сербии, от Венесуэлы до Украины, Институт присутствует во всех уголках мира, где на кону стоят американские интересы» [17].

Надо «отдать должное», ведь по сравнению с правительствами Канады, Евросоюзом и другими государствами, наибольшую часть финансовой нагрузки в подготовке кампаний «ненасильственного сопротивления» законным властям, зачисленным Западом в разряд недемократических, и закрепления «победы демократии» несет госбюджет США. Среди различных структур, занимающихся выполнением этой задачи, как было отмечено на слушаниях «Демократия и права человека: аргументы за лидерство США», состоявшихся 16 февраля 2017 г. в подкомитете комитета по иностранным отношениям Сената, Национальный фонд поддержки демократии (НФД) является уникальным, поскольку он имеет многолетний опыт работы в самых политически неблагоприятных территориях через свои программы грантов и исследовательскую деятельность¹². Следует отметить еще один аспект уникальности этого фонда. В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ, «Национальный фонд поддержки демократии» стал первой организацией (среди 157 по состоянию на 1 марта 2017 г.), деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации и включенной в реестр некоммерческих организаций (НКО), выполняющих функции иностранного агента¹³.

Ежегодно НФД оказывает финансовое содействие неправительственным организациям более чем в 90 странах мира. Так, например, отчитываясь о своей работе, НФД подчеркнул, что его грантовая поддержка украинских некоммерческих организаций сыграла важную роль в организации Евромайдана и строительстве демократических институтов. Только на проект «Права человека» «в целях повышения осведомленности о правах человека, защиты свободы слова, просвещения молодежи о роли средств массовой информации в демократическом обществе,

¹² Democracy and Human Rights: The Case for U.S. Leadership. URL: <http://www.foreign.senate.gov/hearings/democracy-and-human-rights>.

¹³ Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.

¹¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента РФ от 30 нояб. 2016 г. № 640 // СПС «КонсультантПлюс».

а также повышения информированности избирателей в преддверии парламентских выборов в октябре 2014 года» было направлено 1 274 937 дол. США. При этом на аналогичный проект для Республики Беларусь выделено почти в 4 раза больше¹⁴.

«Необъяснимый» повышенный интерес проявляют западные спонсоры демократии и прав человека к Беларуси. Вместе с другими фондами, активно развивая кампанию «ненасильственного сопротивления» — подготовку к выборам президента 2020 г. (предыдущие «цветные» революции не удались), Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда Государственного департамента США выделило грант на 2017 г. в размере 520 000 дол. для поддержки белорусских независимых (оппозиционных) средств массовой информации¹⁵. Однако, несмотря на многообразие международных и национальных структур и программ, содействующих глобальному продвижению демократии и прав человека, наибольшее внимание практически все уделяют Украине и Сирии. В настоящее время более двух десятков представителей только одного американского Национального демократического института работают каждый день на освобожденных территориях в Сирии: «Уже проведены тысячи консультаций и тренингов для гражданских активистов и местных администраций, чтобы сирийцы сделали правильный выбор между насильственным авторитаризмом и демократией»¹⁶. Другими словами, вместо содействия процессу примирения и защиты прав человека иностранные «демократические фонды» идеологически подковывают проамериканских активистов-оппозиционеров законной власти.

Профессионально отработанные США и партнерами технологии концептуально-внешнего управления формально не выходят за рамки правового поля, если не считать скрытый умысел установления режимов, подконтрольных Западу и (или) направленность подготовки оппозиционных сил к неконституционной смене власти. В результате таких «легитимных» технологий (не считая явных нарушений международного права в процессе «демократического» развала Югославии), у восточноевропейских государств появился новый лидер

(Вашингтон-Брюссель), «координирующий» их демократическое развитие. Вместе с тем, несмотря на огромные финансовые затраты, «арабская весна» не привела к повсеместному формированию прозападных режимов власти, и тем более равенству прав человека и установлению западных стандартов демократии, а революция «Достоинства», как установил Дорогомиловский районный суд Москвы, это «факт, имеющий юридическое значение, государственного переворота на Украине в феврале 2014 года, в результате которого была изменена Конституция Украины, незаконно отстранен от должности Президент Украины и прекращены полномочия Верховной Рады VII созыва, антиконституционным способом сформированы органы власти, которые в настоящее время являются нелегитимными»¹⁷. Исследователи Международного Шиллеровского института уточнили, что государственный переворот на Украине, приведший к экономическому и стратегическому хаосу, был осуществлен при непосредственной поддержке экс-президента США Б. Обамы и финансиста Д. Сороса [18, р. 6, 16]. Трехлетние «успехи» революции «Достоинства» отмечаются в докладе Центра европейских политических исследований: «в пост-евромайданный период защита личных бизнес-интересов имеет приоритет над требованием укрепления украинского государства и прав своих граждан. Прогресс в борьбе с коррупцией, имеющийся на “бумаге”, правительства Украины, называющего себя проевропейским, не должен иметь финансовую поддержку ЕС»¹⁸.

В плане совершенствования технологий «легитимного» применения «мягкой силы» особо выделяется совместная инициатива американских «Фонда по правам человека» и «Форума 280», которые создали специальный сайт «Флэш-накопители для свободы» для сбора в качестве пожертвований флэш-накопителей¹⁹. На так называемые «Флэш-накопители для свободы», начиная с 2009 г., записывали западные фильмы и электронные книги. В настоящее время, по словам директора по стратегии Фонда по правам человека А. Гладштейна, перешли к провокационному образовательному

¹⁴ URL: <http://www.ned.org/wpcontent/themes/ned/grantsearch.php?=®ionCountry>.

¹⁵ URL: <http://www.grants.gov/web/grants/search-grants.html?keywords=belarus>.

¹⁶ Statement by Kenneth Wollack President, National Democratic Institute. URL: http://www.foreign.senate.gov/imo/doc/021617_Wollack_Testimony.pdf.

¹⁷ Решение от 27 декабря 2016 г. по делу № 02-5836/2016. URL: <http://dorogomilovsky.mosgorsud.ru/search?courtAlias&caseNumber=дело+№02-5836%2F2016>.

¹⁸ Ukraine's unimplemented anti-corruption reform. URL: <https://www.ceps.eu/publications/ukraine%E2%80%99s>.

¹⁹ URL: flashdrivesforfreedom.org.

контенту (о падении Советского Союза, об Арабской весне, правах человека и т. д. «с надеждой на искрообразование интеллектуальной революции среди населения» закрытых стран, в частности, Северной Кореи. Если в 2016 г. было собрано 20 000 дисков, то в 2017 г. планируется собрать 50 000, «чтобы сделать огромную вмятину в пропагандистскую машину Северной Кореи». Беспрецедентно, но «Флэш-накопители для свободы» переправляются контрабандным путем (на воздушном шаре, грузовым транспортом и т. д.) через китайскую границу в Северную Корею, чтобы граждане скрытно изучали информацию «о свободе»²⁰.

Впервые эффективность многолетней провокационной кампании «Отключите режим тишины с помощью флэш-накопителя» была исследована южнокорейским Центром стратегических и международных исследований «Вне параллели» (при финансовой поддержке института Бжезинского американского Центра стратегических и международных исследований, южнокорейских неправительственных фондов). Согласно исследованию южнокорейского Центра, первые результаты можно интерпретировать как «движение к разрыву между северокорейским обществом и правительством». При этом следует отметить, что его проведение на сомнительной правовой основе (интервью с перебежчиками и тайный мини-опрос всего 36 респондентов в северокорейских провинциях и столице), вступает в противоречие с основной целью деятельности Центра «Вне параллели»: «через прозрачность и понимание к воссоединению Кореи»²¹.

Такие американские и южнокорейские шпионские методы продвижения права на свободу информации фактически есть не что иное, как несанкционированное вмешательство в дела суверенного государства. При этом, традиционно прикрываясь заботой о правах и свободах человека, концептуальное внешнее управление (мотивационно-опосредованное воздействие) подобными методами откровенно выходит за рамки правового поля и преследует иные от заявленных цели: формирование движения «ненасильственного сопротивления» и смены власти и, в перспективе, объединение двух корейских государств.

Парадоксально, но впервые тактика «цветной» революции в полной мере при-

меняется в самих США в анти-трамповском «движении сопротивления». Показательно, что в защиту Д. Трампа от атак «глубинного государства» с предупреждением о скорой «насильственной американской весне» и сотнях миллионов долларов, тратящихся на мобилизацию протестующих, даже собираются подписи в системе петиций Белого дома «Мы народ» (по состоянию на 25 марта 2017 г. собрано более 2 тыс. подписей). Правда здесь же в другой петиции (более 130 тыс. подписей), хотя и не приводится никаких фактов, но утверждается, что Д. Трамп нарушает ст. I, раздел 9 Конституции Соединенных Штатов, так как имеет финансовые связи с Россией и должен сотни миллионов долларов зарубежным банкам (в том числе Китаю). Значит возможен конфликт между его интересами и вопросами национальной безопасности, поэтому он должен уйти с поста президента Соединенных Штатов²².

Наряду со ставшей традиционной для западных «демократических» выборов внутрипартийной борьбы компроматов, США стали лидером политики «пост-правды» в отношении контактов нового президента и России, которая, по мнению недовольных реформами Д. Трампа, представляет угрозу американской демократии и правам человека. Неслучайно оксфордский словарь назвал «post-truth» (пост-правда) словом-лидером 2016 г.²³ Среди множества инструментов использования пост-правды ярким примером служит персональный интернет-сайт члена Палаты представителей Постоянного комитета по разведке Э. Сволвелла, посвященный декларативным «разоблачениям» и «обоснованиям» типа: «Россия: Трамп и контакты его команды», «Россия: не наш друг» и т. д.²⁴

В дополнение к этому, свободу слова многие средства массовой информации трансформировали в «фейк-технологии» манипулирования общественным сознанием, и, как положено по классическим законам технологии «ненасильственного сопротивления», это привело к политической и социальной турбулентности, включая движение «Yes California»²⁵ за проведение референдума о выходе Калифорнии из состава США (противоречащее федеральной конституции). Конечно, если не учитывать спорные в правовом отношении иммиграционные указы,

²² URL: <https://petitions.whitehouse.gov/>.

²³ URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.

²⁴ URL: <https://swalwell.house.gov/russia>.

²⁵ URL: <http://www.yescalifornia.org>.

²⁰ URL: <https://www.hrf.org/>.

²¹ URL: <http://beyondparallel.csis.org/information-and-its-consequences-in-north-korea/>.

оппоненты, в целом, проблематизируя политическую и нормотворческую деятельность демократически избранного президента, представляют ее противоречащей обязательствам США в области прав человека и ведущей к утрате лидерских позиций. В итоге, по опросам общественного мнения (по состоянию на 1 марта 2017 г.) 51,2 % американцев считают, что политика правительства находится на ложном пути, 34,6 % считают верным направление политики, 14,2 % — не определились²⁶.

Вместо того, чтобы санировать свои собственные демократии и государственные системы прав человека, западные страны расширили зону традиционного применения «двойных стандартов» в отношении прав человека, создав новый источник политико-правовой турбулентности. С одной стороны, со времен холодной войны страны Запада, занимаясь по макиавеллевскому принципу экспансией демократии и прав человека в глобальных масштабах, называют свою контрпропаганду критикой и рассматривают наращивание потенциала «мягкой силы», в том числе, с использованием социальных сетей и Интернета, как стратегическую (информационно-пропагандистскую и оборонительную) задачу; с другой стороны, те же самые действия недружественными государствами объявляются дезинформацией и пропагандой (составной частью информационной и гибридной войны), направленной не на формирование положительного образа страны за рубежом, а на подрыв демократических ценностей и дестабилизацию политико-правовых режимов. Показательна в этом плане резолюция Европарламента о противодействии пропаганде третьих стран, констатирующая, что «доступ к информации и свобода выражения мнений являются основными столпами демократической системы», и тут же оказывается, что, например, русское правительство применяет широкий спектр инструментов, таких как мозговые центры, специальные фонды («Русский мир») и органы («Россотрудничество»), многоязычный телевизионный канал («Russia Today») и другое, чтобы бросить вызов демократическим ценностям и разделить Европу²⁷.

В дополнение к этому сотрудники латвийского отделения «Центра передового

опыта стратегических коммуникаций НАТО» нашли, по их мнению, инновационную основу для анализа российского юмора. Как отмечается в исследовании Оперативной рабочей группы по стратегическим коммуникациям «“Stratcom” смеется: в поисках аналитической связи», проведенном по заказу Минобороны Латвии в марте 2017 г., юмор, в том числе телепередача «Клуб веселых и находчивых», используется Москвой как инструмент политического и психологического влияния (целенаправленной пропаганды и контрпропаганды). В специальном разделе (157-страничного исследования) даются рекомендации для практического использования юмора в качестве специализированного средства стратегической коммуникации странами НАТО²⁸.

Также «двойные стандарты» применения «мягкой силы» откровенно проявляются в оценке Западом другого своего геополитического конкурента — Китая, интенсивно развивающего международные программы обучения и обмена с азиатскими и африканскими странами. По их мнению, такое развитие событий, с учетом усиления китайского влияния в новых областях международного права, создает возможности для Китая занять вместо США доминирующую роль в международном юридическом порядке²⁹.

Участились попытки использования прав человека как политического инструмента в деятельности международных институтов, а также подчинения национального права международным правовым механизмам и нормам. В частности, не содействуют укреплению системы прав человека неоднократные, начиная с 2016 г., предложения Верховного комиссара ООН по правам человека Зейда Раада аль-Хусейна об ограничении права вето постоянных членов Совета Безопасности ООН при расследовании военных преступлений и преступлений против человечности. Похоже, что объективность Совета ООН по правам человека становится второстепенным фактором, если в заявлении его Верховного комиссара на 34-й сессии по вопросу «О положении в области прав человека в Сирийской Арабской Республике» дается предвзятая политическая оценка действий законной власти, искажающая истинные причины и сегодняшние последствия воо-

²⁶ Reuters/Ipsos Poll: Is the US headed in the right or wrong direction? URL: <http://polling.reuters.com/#poll/CP1/dates/20170301-20170301/type/day>.

²⁷ European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?>

²⁸ NATO Strategic Communications Centre of Excellence in Riga, Latvia : official website. URL: <http://stratcomcoe.org>.

²⁹ Trumpian Isolationism Could Help China Become a Leader in International Law. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/sthash.yldeEd8z.pdf>.

руженного конфликта. Хотя, согласно уставу ООН, Верховный комиссар ООН по правам человека (также как генеральный секретарь и его сотрудники) должен воздерживаться от политизированных оценок ситуации с правами человека в том или ином государстве, а тем более вмешиваться в процедуру Совета Безопасности ООН. Такая деятельность подрывает его авторитет и напоминает историю с политизацией бывшей Комиссии ООН по правам человека. Или это аргументы против планируемого США сокращения финансирования ООН?

Ответом на усиливающуюся политизацию международных структур стала резолюция 28-го саммита Африканского Союза (31 января 2017 г.) о коллективном выходе из юрисдикции Международного уголовного суда, который, по мнению большинства стран-членов, стал политическим инструментом западного империализма, санкционирующим вмешательство в суверенную политику африканских государств. Эта же тенденция стала характерной для европейских структур (Евросоюза, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Европейского суда по правам человека и др.). В последнее время решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) «стали неприкрыто ангажированными, необъективными и провокационно политизированными. Об этом кричат сами факты, объективные цифры, скорость, объем и количество принимаемых решений и компенсационных денежных сумм против российских государственных органов и учреждений»³⁰. В этом свете своевременным является внесенный Президентом РФ законопроект «О ратификации Протокола № 15, вносящего изменения в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод» № 123588-7, в котором содержится указание на субсидиарную роль ЕСПЧ по отношению к национальным правовым системам.

Следует подчеркнуть, что примат политики над правом снижает эффективность конструктивного взаимодействия государств с международными институтами. Проблематизация прав человека на уровне международных структур стала следствием турбулентной трансформации однополярного юридического порядка. Сопrotивляясь данной тенденции, «право силы», возглавляемое США, продолжает оказывать политическое давление на подконтрольные государства,

³⁰ ЕСПЧ — от института правосудия к инструменту политического давления. URL: <http://actualpolitics.ru/reports/14396>.

геополитических конкурентов и, что очень опасно, на международные структуры. От этого не только страдает их репутация, но и «сила права» принципов и норм международного права.

В настоящее время трудно прогнозировать, какие правовые принципы и методы будут служить реальной основой стратегии 45-го президента США Д. Трампа при выполнении предвыборных заявлений: «Сделаем Америку великой снова», которые можно интерпретировать и реализовывать по-разному. Пока же утверждение американского «величия» преимущественно происходило за счет дискриминации прав суверенных государств. Поэтому, как говорил В. Франкл, давно пора дополнить статью Свободы у восточного побережья США статуей Ответственности [19, с. 88], чтобы политическая проблематизация прав человека не приобрела статус глобальной проблемы пост-западного миропорядка.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что в условиях постглобализации политическая «нагрузка» прав человека на внутригосударственном и (или) международном уровнях становится одним из главных факторов, провоцирующих их нарушения, делая права человека заложником политико-правовой турбулентности. В политико-правовом смысле турбулентность можно рассматривать как динамику трансформаций политического и правового порядка на национальном и (или) международном уровнях, обусловленную амбивалентностью права и политической целесообразностью, правотворчеством и правоприменением, проблематизацией базовых концептов современного государства. Совершенствование технологий турбулентной «демократизации» и применения «двойных стандартов» в борьбе за сохранение геополитического лидерства, в западном варианте называемое защитой демократии и прав человека, фактически провоцирует инфляцию самого понятия «права человека» и усиление нестабильности мирового правопорядка. В этих условиях, несмотря на постглобализационные разногласия между ведущими государствами, представляется жизненно важным сохранить Версальскую систему (опираясь на базовые принципы) и начать поиски консенсуса для решения реальных проблем, связанных с правами человека. Безусловно, уважение, соблюдение и гармонизация принципов и норм национального и международного права — необходимая предпосылка устойчивого развития системы прав человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Якимова Е. М. Совершенствование системы государственного контроля в Российской Федерации / Е. М. Якимова // Вестник Евразийской академии административных наук. — 2013. — № 1 (22). — С. 53–58.
2. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. — М. : Касталь, 1996. — 448 с.
3. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2. — 736 с.
4. Rosenau J. N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity* / J. N. Rosenau. — Princeton University Press, 1991. — 504 p.
5. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. — М. : Норма, 2002. — 602 с.
6. Якимова Е. М. Административно-правовые способы обеспечения безопасности предпринимательской деятельности / Е. М. Якимова // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. — 2014. — Т. 10, вып. 1. — С. 24–30.
7. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма для ответа на глобализацию / У. Бек. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
8. Лиотар Ж.Ф. Заметки о смыслах «пост» / Ж. Ф. Лиотар // Иностранная литература. — 1994. — № 1. — С. 56–59.
9. Welzel C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation* / C. Welzel. — New York : Cambridge University Press, 2013. — 480 p.
10. Чуксина В. В. Национальные институты по содействию и защите прав человека как механизм конструктивного взаимодействия государства и гражданского общества / В. В. Чуксина // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 3. — С. 34–41.
11. Endong F. LGBT rights movement in Africa and the myth of the Whiteman's superiority / F. Endong // *Journal of Globalization Studies*. — 2016. — № 1. — P. 55–56.
12. Государственная гомофобия: мировой обзор законов : криминализация, защита и признание однополый любви / сост. Лукас Паоли Итаборахи, Жингшу Жю. — ILGA — Междунар. Ассос. лесбиянок, геев, бисексуалов, трангендеров и интерсексуал. лиц, 2013. — Вып. 8 : Первый китайский выпуск. — 111 с.
13. Rosemont H. *Whose democracy? Which rights? A Confucian critique of modern western liberalism* / H. Rosemont // *Confucian Ethics. A Comparative Study of Self, Autonomy, and Community*. — Cambridge, 2004. — P. 49–71.
14. Chesterman S. «Leading from Behind»: The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention After Libya [Electronic resource] / S. Chesterman. — Mode of access: http://works.bepress.com/simon_chesterman/8/.
15. Суходолов Я. А. Современная специфика внешнеэкономических связей Российской Федерации с Китайской народной республикой / Я. А. Суходолов // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2015. — № 4 (52). — С. 158–164.
16. Sharp G. *The Politics of Non-Violent Action* / G. Sharp. — Boston : Porter Sargent Publ., 1973. — 445 p.
17. Мейсан Т. Институт Альберта Эйнштейна: отказ от применения насильственных методов в версии ЦРУ [Электронный ресурс] / Т. Мейсан. — Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article128880.html>.
18. Billington M. Obama and Soros — nazis in Ukraine 2014 — U.S. in 2017? / M. Billington, R. Douglas, M. Baker // *Executive Intelligence Review*. — 2017. — № 8. — P. 4–20.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. — М. : Прогресс, 1990. — 368 с.

REFERENCES

1. Yakimova E. M. Improvement of the state control system in the Russian Federation. *Vestnik Evraziiskoi akademii administrativnyh nauk = Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 2013, no. 1 (22), pp. 53–58. (In Russian).
2. Foucault Michel. *Histoire de la sexualité I : La volonté de savoir*. Paris, Gallimard, coll. «Tel», 1976. 211 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let*. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p.).
3. Gobbts T. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. Vol. 2. 736 p.
4. Rosenau J. N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press, 1991. 504 p.
5. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascending to Law. Search and Solution]. Moscow, Norma Publ., 2002. 602 p.
6. Yakimova E. M. Legal and administrative methods to support business in the Russian Federation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik of Novosibirsk State University. Series Law*, 2014, vol. 10, iss.1, pp. 24–30. (In Russian).
7. Beck U. *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma dlya otveta na globalizatsiyu* [What Is Globalization? Errors of Globalism for Responses to Globalization]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2001. 304 p.
8. Liotar Zh. F. Notes on the meanings of «post». *Inostrannaya literatura*, 1994, no. 1, pp. 56–59. (In Russian).
9. Welzel C. *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York, Cambridge University Press, 2013. 480 p.
10. Chuksina V. V. National institutions for the promotion and protection of human rights as a mechanism for constructive interaction between state and civil society. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 34–41. (In Russian).
11. Endong F. LGBT rights movement in Africa and the myth of the whiteman's superiority. *Journal of Globalization Studies*, 2016, no. 1, pp. 55–56.

12. Lucas Paoli Itaborahy, Jingshu Zhu (eds). *State-Sponsored Homophobia: A World Survey of Laws: Criminalisation, Protection and Recognition of Same-Sex Love*. ILGA, 2013. Iss. 8. 111 p. (Russ. ed.: Lucas Paoli Itaborahy, Zhu Jingshu (eds). *Gosudarstvennaya gomofobiya: mirovoi obzor zakonov: kriminalizaiiya, zashchita i priznanie odnopoloi lyubvi*. ILGA, 2013. Iss. 8. 111 p.).

13. Rosemont H. Whose democracy? Which Rights? A Confucian critique of modern western liberalism. *Confucian Ethics. A Comparative Study of Self, Autonomy, and Community*. Cambridge, 2004, pp. 49–71.

14. Chesterman S. «Leading from Behind»: The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention After Libya 2011. Available at: http://works.bepress.com/simon_chesterman/8/.

15. Sukhodolov Y. A. Modern specifics of foreign trade communications of Russian Federation with People's Republic of China. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Rostov State Economic University*, 2015, no. 4 (52), pp. 158–164. (In Russian).

16. Sharp G. *The Politics of Non-Violent Action*. Boston, Porter Sargent Publ., 1973. 445 p.

17. Meisan T. *Institut Al'berta Einsteina: otkaz of primeneniya nasil'stvennykh metodov v versii TsRU* [The Albert Einstein Institution: non-violence according to the CIA]. Available at: <http://www.voltairenet.org/article128880.html>. (In Russian).

18. Billington M., Douglas R., Baker M. Obama and Soros — Nazis in Ukraine 2014 — U.S. in 2017? *Executive Intelligence Review*, 2017, no. 8, pp. 4–20.

19. Frankl Victor E. *Man's Search for Meaning*. New York, Washington Square Press, 1985. (Russ. ed.: Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*. Moscow, Respublika Publ., 1990. 368 p.).

Информация об авторах

Чуксина Валентина Валерьевна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: chuksinavv@bgu.ru.

Бондаренко Ольга Валентиновна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и истории, Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского, 664038, Иркутская область, Иркутский район, пос. Молодежный, e-mail: ov-bond@yandex.ru.

Библиографическое описание статьи

Чуксина В. В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности / В. В. Чуксина, О. В. Бондаренко // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 218–230. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230.

Authors

Valentina V. Chuksina — DSc in Law, Associate Professor, Head of Chair of Legal Security of National Security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: chuksinavv@bgu.ru.

Olga V. Bondarenko — DSc in Philosophy, Professor, Head of Chair of Philosophy, Sociology and History, A.A. Ezhevsky Irkutsk State Agrarian University, pos. Molodejnyi, 664048, Russian Federation, e-mail: ov-bond@yandex.ru.

Reference to article

Chuksina V. V., Bondarenko O. V. Human rights in the context of political and legal turbulence. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 218–230. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230. (In Russian).